

В. И. Молодин^{1,2}, М. С. Нестерова¹, Л. Н. Мыльникова^{1,2}

¹ *Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия*

² *Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия*

Molodin@archaeology.nsc.ru

ОСОБЕННОСТИ ПОСЕЛЕНИЯ ОДИНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ СТАРЫЙ ТАРТАС-5 В БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ *

Проведен анализ поселенческих комплексов одиновской культуры в Барабинской лесостепи. Опорным памятником является поселение Старый Тартас-5, где было изучено четыре котлована и межжилищное пространство. Особое внимание уделено анализу топографического расположения памятников, особенностям планиграфии поселений, анализу архитектурных сооружений. Выделены основные типы очажных устройств, обнаруженных как внутри, так и за пределами конструкций. Определены их основные функции. Специфический характер находок из очагов и околоочажного пространства позволил в некоторых случаях предположить наличие специализированных рабочих площадок по обработке металла и кости. Относительно керамических комплексов сделан вывод об идентичности морфологии, орнаментации и технологии изготовления сосудов на всем ареале обитания культуры, как на поселенческих, так и на погребальных памятниках. Выявлено наличие развитого бронзолитейного производства на поселениях при сохранении неолитических традиций в обработке каменного инвентаря. Состав незначительной остеологической коллекции говорит о существовании развитого охотничьего промысла, а также об освоении скотоводства. Первичное сравнение полученных результатов с материалами поселенческих комплексов Приишимья и Прииртышья, а также сопоставление с находками из погребений свидетельствует об однородности одиновской культуры в пределах обозначенного ареала. В пользу этого свидетельствуют и результаты палеогенетических исследований антропологического материала из одиновских некрополей.

Ключевые слова: Барабинская лесостепь, одиновская культура, поселения, жилые и хозяйственные сооружения, очаги.

Памятники одиновского типа впервые были выделены М. Ф. Косаревым в 1976 г. в левобережном Прииртышье и отнесены к раннебронзовому этапу [1976]. В Приишимье Р. Д. Голдиной и Л. Я. Крижевской аналогичные керамические комплексы были обнаружены на памятниках Кокуй II и Одино [Крижевская, 1977; Голдина, Крижевская, 1971]. В 80-х гг. XX в. В. И. Молодин

на основе изучения поселения Марково-2 предложил гипотезу о существовании одиновского этапа эпохи раннего металла в культуре бронзового века Барабинской лесостепи. Впоследствии анализ исследованных погребальных и поселенческих комплексов позволил поставить вопрос о выделении особой одиновской культуры. К настоящему времени практически полностью изучено

* Работа проведена в рамках Программы фундаментальных исследований, выполняемых совместно организациями СО, УрО и ДВО РАН, государственных академий наук России, национальных академий наук стран СНГ, отраслевых академий, и финансируемых из средств СО РАН и УрО РАН в 2012–2013 гг.

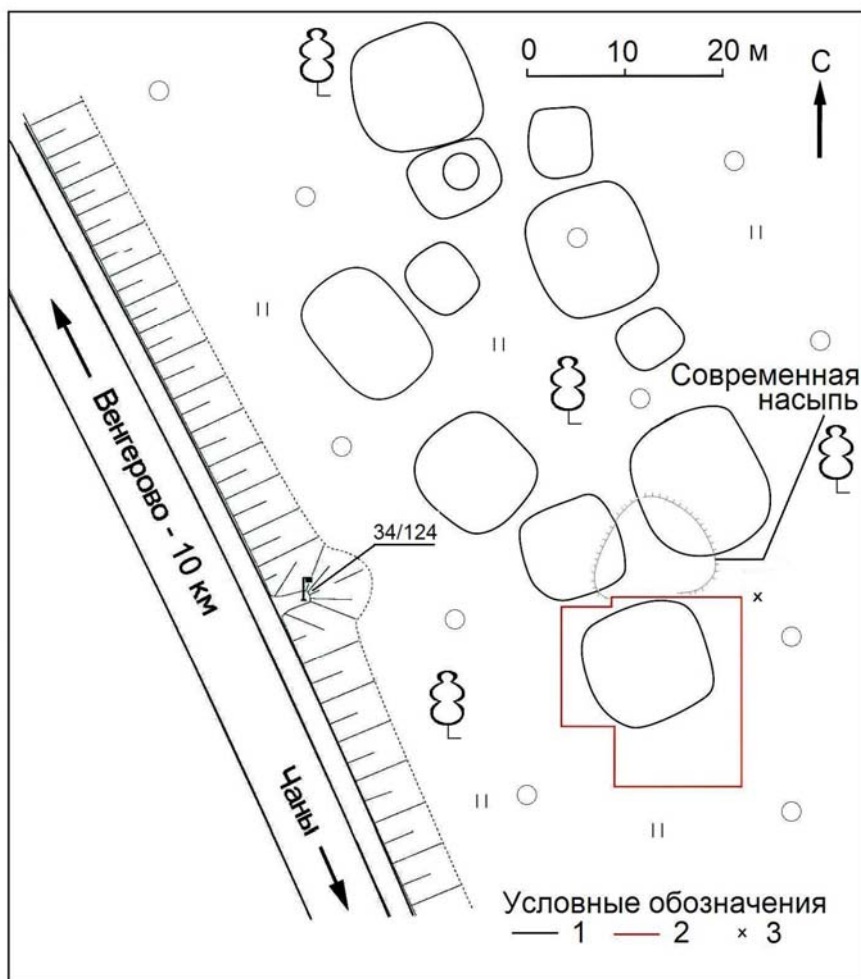

Рис. 1. План поселения Старый Тартас-5: 1 – условные границы котлованов; 2 – граница раскопа 2012–2013 гг.; 3 – нулевой репер

несколько некрополей, оставленных носителями этой культуры. Хуже обстоит дело с поселенческими комплексами. В пределах Барабинской лесостепи до недавнего времени было исследовано три одиновских жилища на поселении Марково-2, на некоторых многослойных памятниках зафиксирован незначительный культурный слой с керамикой одиновской культуры (Венгерово-1А, Кама-2, Каргат-6Б, Новочекино-5).

В 2012–2013 гг. в Венгеровском районе началось изучение поселения Старый Тартас-5, где было исследовано четыре конструкции. Этот памятник, давший наиболее представительный материал, в настоящее время является опорным для характеристики поселенческих комплексов одиновской культуры. Между тем редкие факты обнаружения керамики в погребальных комплексах и специфический набор погребального инвентаря

пока не позволяют провести надежную хронологическую корреляцию между исследованными поселенческими комплексами и могильниками. Отсутствие в западной части ареала культуры (Приишимье и Прииртышье) погребальных памятников возвращает к проблеме тщательного изучения материалов поселений, особенностей архитектурных сооружений, системы организации жилого пространства, специфики инвентарного комплекса.

Отметим, что в западной части ареала одиновской культуры поселения располагались на речных террасах. Отличительной особенностью поселений Барабы можно назвать их расположение на берегах ныне существующих или существовавших ранее озер. Современное топографическое расположение памятника Старый Тартас-5 (рис. 1) вдали от источника воды свидетельствует о существо-

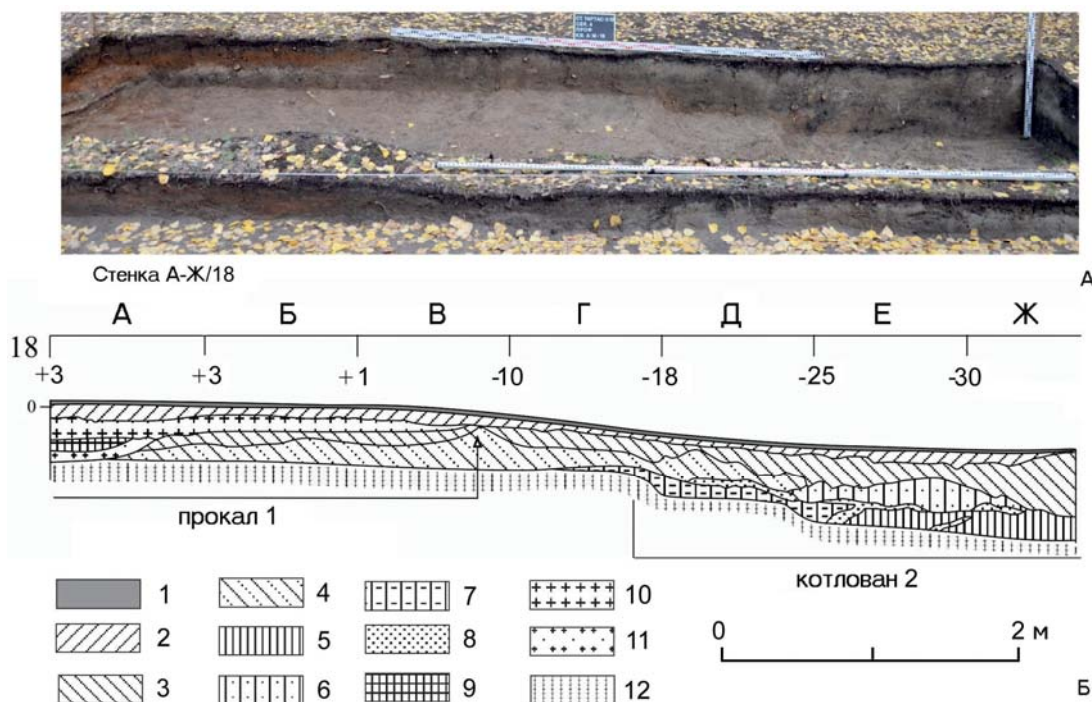

Рис. 2. Фрагмент стратиграфии восточной стенки раскопа памятника Старый Тартас-5: А – фото (снято с 3); Б – прорисовка (1 – дерново-гумусный слой; 2 – поддерновый слой (серая гумусированная супесь); 3 – белесосерая пылеватая мелкодисперсная супесь; 4 – серая более плотная (с большим содержанием суглинистых частиц) супесь с железистыми включениями; 5 – серо-коричневая плотная мешаная супесь с включениями черных углистых линз; 6 – черно-коричневая углистая гумусированная супесь (погребенная почва?); 7 – материковый «заплыв» – плечико котлована; 8 – линзы черной углистой гумусированной супеси; 9 – оранжевый комковатый спекшийся суглинок (глиняная обмазка); 10 – прокаленная кирпично-красная супесь; 11 – углистый слой, подстилающий прокал; 12 – черно-коричневый плотный суглинок – материк)

вании в древности недалеко от поселения исчезнувшего гидрологического объекта (старое русло, озеро?). Подобная ситуация фиксировалась и для поселений кротовской культуры, что свидетельствует о более влажном и холодном климате в изучаемую эпоху. В пользу положения об обводнении территории говорит геоморфологическая специфика процессов почвообразования на памятнике. Особенности стратиграфии памятника свидетельствуют о постоянном заполнении понижений сезонными водами, застойный характер которых приводил к вымыванию гумуса и магнитных минералов из почвы, в результате чего культурный слой, маркирующий заполнение котлованов, приобретал характерный белесый цвет и пылеватую структуру (рис. 2). Бинокулярное исследование изломов фрагментов керамики со дна котлованов выявило высокую степень их ожелезненности, что также является результатом длительного нахождения в воде.

Предположение о приозерном характере одиновских поселений косвенно подтвержда-

ется обнаружением сотрудниками Института экологии человека СО РАН памятника Новый Тартас-3 недалеко от одноименного села Венгерского района на берегу Государева озера. Подъемный материал позволяет предварительно датировать памятник одиновской культурой (по устному сообщению В. В. Боброва и А. Г. Марочкина).

Судя по визуально фиксируемым западинам, поселения одиновской культуры довольно компактны. Расположение западин на памятнике Старый Тартас-5 позволяет предположить двурядную уличную структуру планировки поселка (см. рис. 1). Как и на других памятниках, на поселении фиксируются следы значительного антропогенного воздействия, в результате чего часть культурного слоя практически уничтожена. Определение границ затруднено из-за незначительной углубленности части котлованов, которые могут быть не заметны на поверхности. Однако следы перестройки котлованов (например, котлованы 3, 4 на поселении Старый Тартас-5)

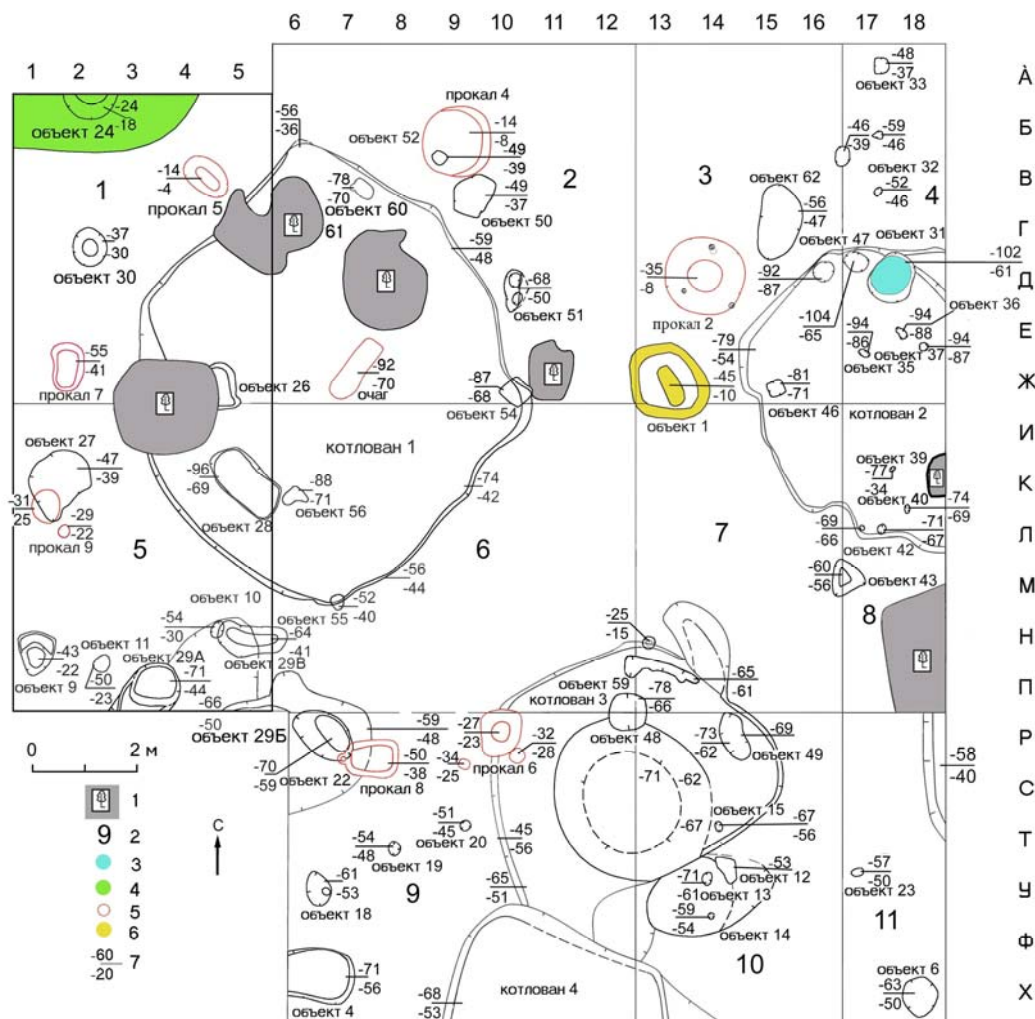

Рис. 3. План раскопа на памятнике Старый Тартас-5: 1 – нераскопанные участки, занятые деревьями; 2 – порядковый номер сектора; 3 – яма с керамикой эпохи неолита; 4 – яма с керамикой Средневековья; 5 – прокалы; 6 – объект этнографической современности; 7 – нивелировочные отметки

свидетельствуют о довольно длительном существовании поселений (рис. 3).

Анализ архитектурных сооружений позволяет выделить как минимум два их типа. К первому относятся котлованы подчетыреугольной формы площадью от 30 до 52 кв. м, углубленные на 0,2–0,4 м. Система столбовых ям, зафиксированная при изучении жилищ поселения Марково-2, позволяет реконструировать небольшие помещения усеченно-пирамидальной конструкции. В центре жилого помещения располагался очаг. Ко второму типу относятся более легкие конструкции с незначительно углубленным округлым или подквадратным котлованом, без столбовых ям и очага. Вероятно, они представляли собой сооружения типа чума и служили хозяйственными помещениями либо использовались только в теплое время года.

Аналогичные конструкции (как с углубленным котлованом, так и легкие) были исследованы и на одиновских памятниках Притоболья и Приишимья (Одино, Серебрянка-1).

Очаги, обнаруженные в жилищах, представляли собой прокалы аморфной формы диаметром 0,30–0,50 м и располагались в центре сооружений. Исключение составляет очажное устройство, обнаруженное при раскопках котлована 1. Очажная яма подпрямоугольной формы, размерами 1,32 × 0,45 м и глубиной от 0,05 до 0,15 м, ориентирована параллельно стенкам жилища (рис. 4). Тщательная фиксация заполнения очага позволила выделить несколько участков, вероятно, связанных с особенностями функционирования объекта. Его юго-западная часть состояла из прокаленной супеси с многочисленными включениями мелких кусочков

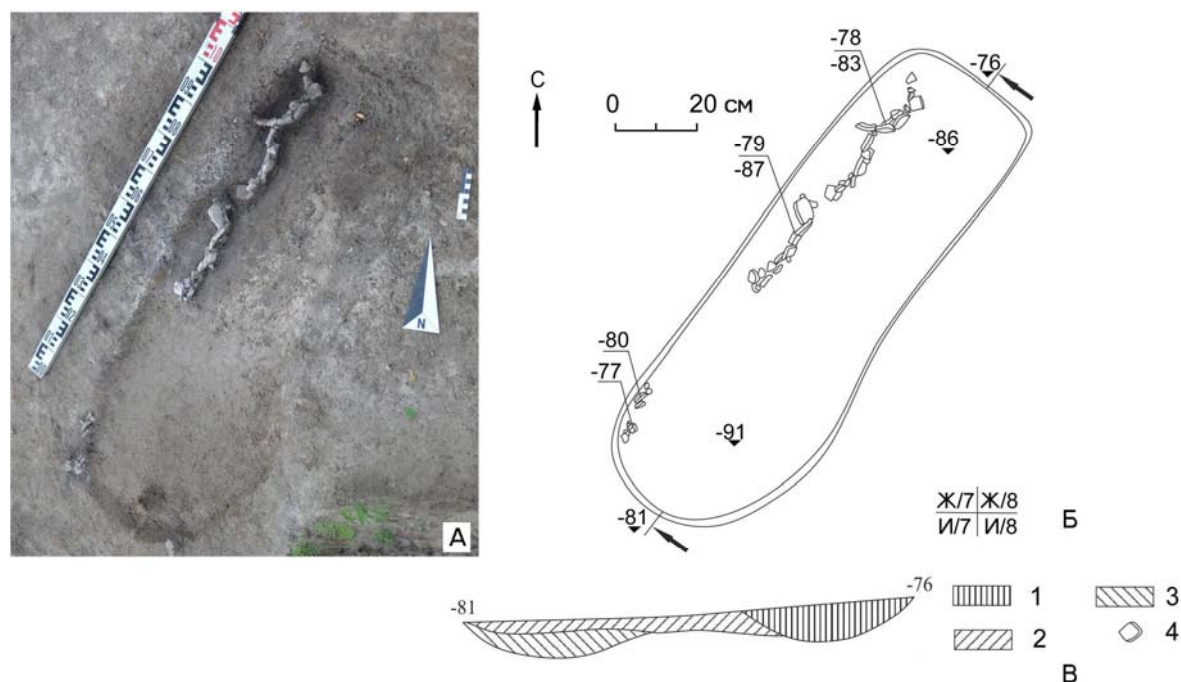

Рис. 4. Очажное устройство из котлована 1 памятника Старый Тартас-5: А – фото (снято с 3); Б – план; В – разрез (1 – насыщенно-черная углистая плотная супесь; 2 – бурая прокаленная супесь; 3 – прокаленный суглинок; 4 – фрагмент керамики)

обожженной глины; в северо-западной фиксировалась полоса золистой белесой супеси, в которой находились фрагменты керамики от одного сосуда, установленные вдоль всей стенки на «торцы». Для их закрепления была сооружена неглубокая канавка. Северо-восточный участок отличался мощной линзой насыщенной углистой темно-серой супеси, в которой обнаружены фрагмент глиняного сопла и глиняный шарик с желобком, а также фрагменты литейных форм. Наличие экрана из фрагментов керамики, ассортимент находок позволяют предположить, что очаг был многофункциональным и использовался не только для приготовления пищи и освещения, но и производственной деятельности, связанной с металлургией. В 1,8–2 м к юго-востоку от очага находился еще один объект (№ 28) со следами температурного воздействия в виде насыщенных углистых линз, фиксируемых в заполнении. Он представлял собой подпрямоугольную яму с округлыми углами размерами 1,6 × 0,81 м, глубиной до 0,32 м. В западной части жилища были также обнаружены основная масса фрагментов тиглей, литейных форм и скопление кусочков обожженной глины, что, несомненно, позволяет интерпретировать данную зону как производственную

(рис. 5). Наличие собственного металлургического производства подтверждается находкой фрагмента бронзового изделия (предположительно обломка лезвия ножа). Значительный размер тиглей, обнаруженных на одиновских поселениях, предполагающий выход 57 куб. см металла, также свидетельствует о развитой металлургии.

Любопытной представляется организация межжилищного пространства, изученного на поселении Старый Тартас-5, где обнаружено достаточно большое количество разнообразных прокалов, часть из которых интерпретируется как очаги. Все они расположены с северо-восточной стороны от котлованов (см. рис. 3). Это хорошо коррелирует с преобладающей в данной местности в осенне-весеннее время розой ветров (северо-восток) – т. е. очаги располагались с подветренной стороны котлованов, а они служили им своеобразным экраном. Подобное устройство рабочих площадок за пределами жилищ предполагает круглогодичное функционирование поселков.

Помимо прокалов на площади поселения удалось обнаружить достаточно редкий для территории Барабы объект – клад костяных и каменных орудий (рис. 6). Он состоял из

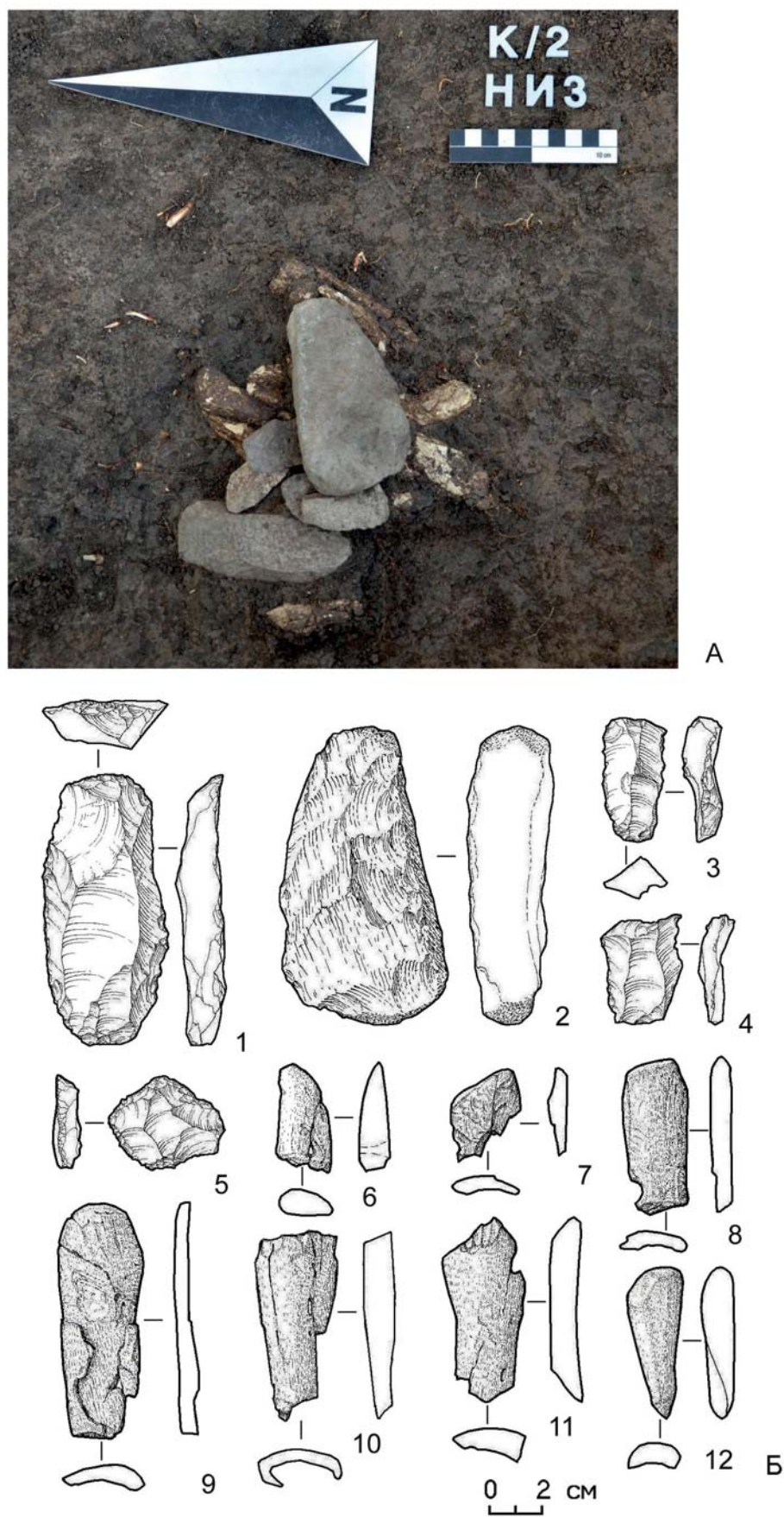

Рис. 6. «Клад» каменных и костяных орудий из памятника Старый Тартас-5: А – фото in situ (снято с З); Б – прорисовки находок (1–2 – скребла; 3–5 – скребки; 6–12 – фрагменты орудий из кости)

пяти каменных предметов: двух скребков, двух пластин с ретушью и «отбойника» (рис. 6, 2–6), а также нескольких изделий из костей (рис. 6, 7–12). Несмотря на плохую сохранность кости, после реставрации четко видно, что это – орудия; большинство из них имеет следы использования в виде залощенности, отверстий, надрезов. Вероятно, клад был связан с определенными производственными операциями, а орудия являлись специализированными. На территории Притоболья подобные клады встречаются на памятниках эпохи энеолита и интерпретируются как «резервные каменные заготовки для последующих производственных нужд населения» [Скочина, 2007. С. 7]

Впервые для одиновской культуры на поселении Старый Тартас-5 зафиксировано разнообразие способов устройства очага за пределами жилищных конструкций (рис. 7, 1–6). Это наземные и углубленные объекты без дополнительных элементов или с глиняной обмазкой овальных, округлых или прямоугольных форм (рис. 7, 3, 5). Встречаются случаи выкладывания дна очажной ямы фрагментами керамики (рис. 7, 4, 6). Не менее разнообразны и надочажные конструкции – скорее всего, навесы, приспособления для установки посуды над огнем, экраны, служившие для защиты и сохранения огня (рис. 8, 1–4). Следы их зафиксированы в виде нескольких столбовых ям по периметру очажного устройства. В некоторых случаях можно предполагать наличие экрана с подветренной стороны, о чем свидетельствуют парные или одиночные столбовые ямки у одной из стен очага (рис. 8, 3, 4). На такие столбы могли вешаться шкуры, защищая огонь от ветра. Подобные конструкции обнаружены Л. Я. Крижевской на поселениях эпохи раннего металла [1977].

На поселении выявлены следы надочажной конструкции в виде трех небольших по диаметру конусовидных ям, расположенных по бортам углубленного очага (рис. 8, 1). По данным этнографии коренных народов Западной Сибири [Соколова, 2007. С. 43–50] возможно предположить два варианта реконструкции такого устройства. В первом случае три достаточно массивных столбика небольшой высоты вкапывали под углом относительно поверхности очага, на них

устанавливался сосуд. Во втором случае три жерди перекрещивались над очагом, в месте их соединения сооружалось подвесное устройство (рис. 8, 2).

Планиграфический анализ околоочажных зон позволил выделить несколько специализированных зон. Так, наличие в заполнении одного из очагов фрагментов литейных форм и глиняного сопла свидетельствует об использовании его в металлургическом производстве. Возле другого очага обнаружено огромное количество продуктов дебитаж – сколов, чешуек, отщепов. В археологической литературе неоднократно обсуждался вопрос о тепловой обработке каменного сырья в процессе изготовления изделий [Гиря, 1994]. Экспериментальные исследования показали, что предварительный нагрев кремнистых грубозернистых пород приводит к повышению монолитности сырья и облегчает их отжимное ретуширование [Там же. С. 172]. Свидетельством температурного воздействия на камень может служить изменение цвета некоторых изделий, обнаруженных около очага.

Остальные очажные устройства, выявленные на поселении, могли использоваться для освещения и обогрева рабочей площадки, приготовления пищи. Более точная интерпретация функционального назначения очагов затруднена по нескольким причинам: во-первых, большинство устройств были многофункциональными; во-вторых, археологически фиксируются только косвенные признаки некоторых функций. Очаги же для освещения и обогрева рабочей площадки не требуют никаких дополнительных элементов, поэтому каждое устройство могло выполнять эти функции.

Помимо своего утилитарного назначения, очаг обладал особым семиотическим статусом, о чем свидетельствуют следы преднамеренных действий ритуального характера, обнаруживаемые в процессе исследования очажных устройств [Байбурин, 1983. С. 160; Ташак, 2003; Черных, 2008. С. 31–32]. В одном случае на дне очага под глиняной обмазкой был зафиксирован костяной наконечник стрелы (рис. 9, 1, 2) На дне другого очага (№ 7), на уровне глиняной обмазки найдена нижняя челюсть лисицы (рис. 9, 3, 4). Стратиграфическое расположение артефактов позволяет отметить, что

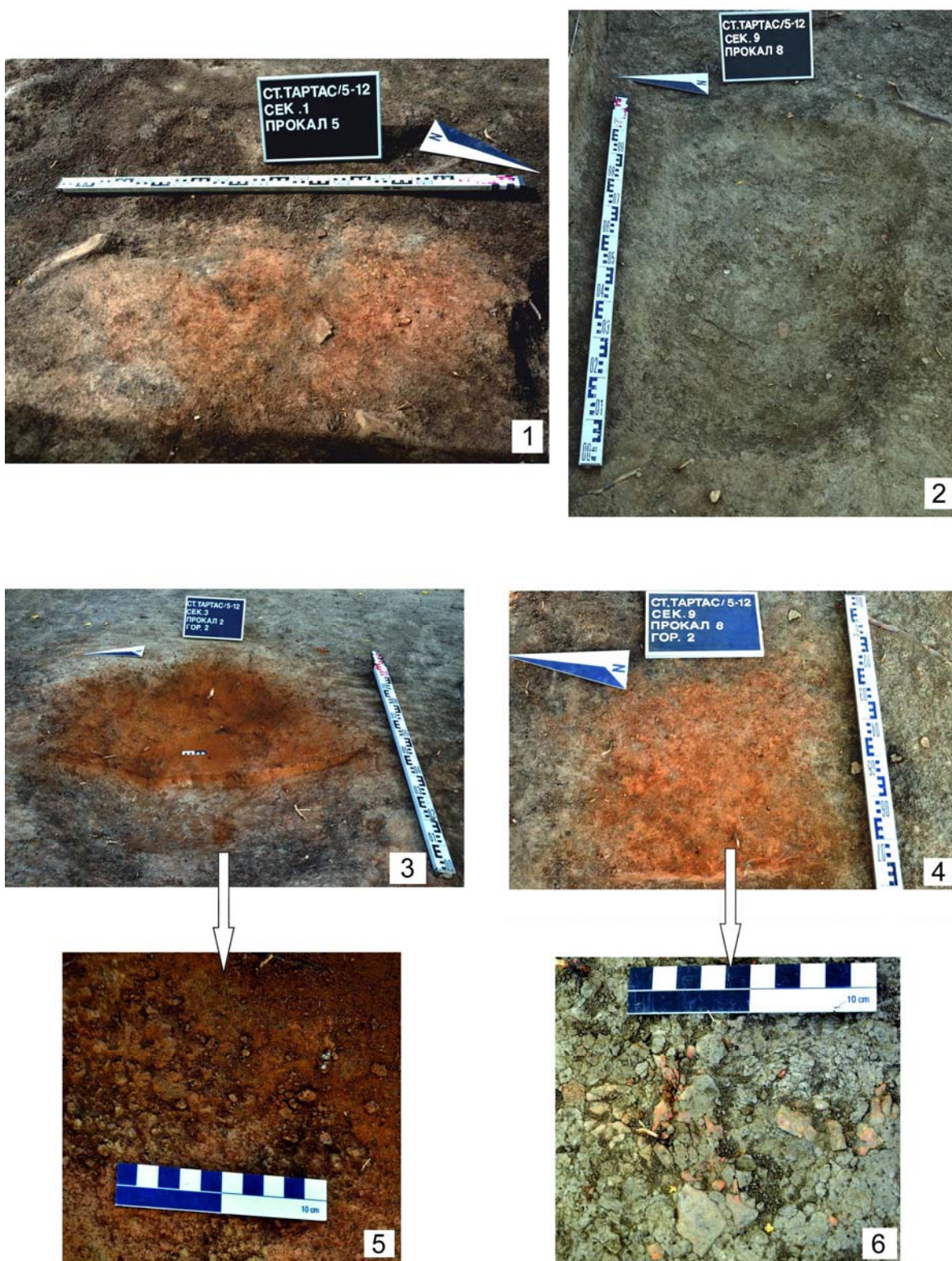

Рис. 7 (фото). Основные виды очажных устройств на памятнике Старый Тартас-5: 1 – наземный очаг (прокал 5) (снято с СВ); 2 – углубленный очаг (прокал 8) (снято с 3); 3 – очаг с глиняной обмазкой (прокал 2) (снято с 3); 4 – очаг, выложенный по дну фрагментами керамики (прокал 8) (снято с 3); 5 – участок очага (прокал 2) с глиняной обмазкой; 6 – участок очага (прокал 8), выложенного по дну фрагментами керамики

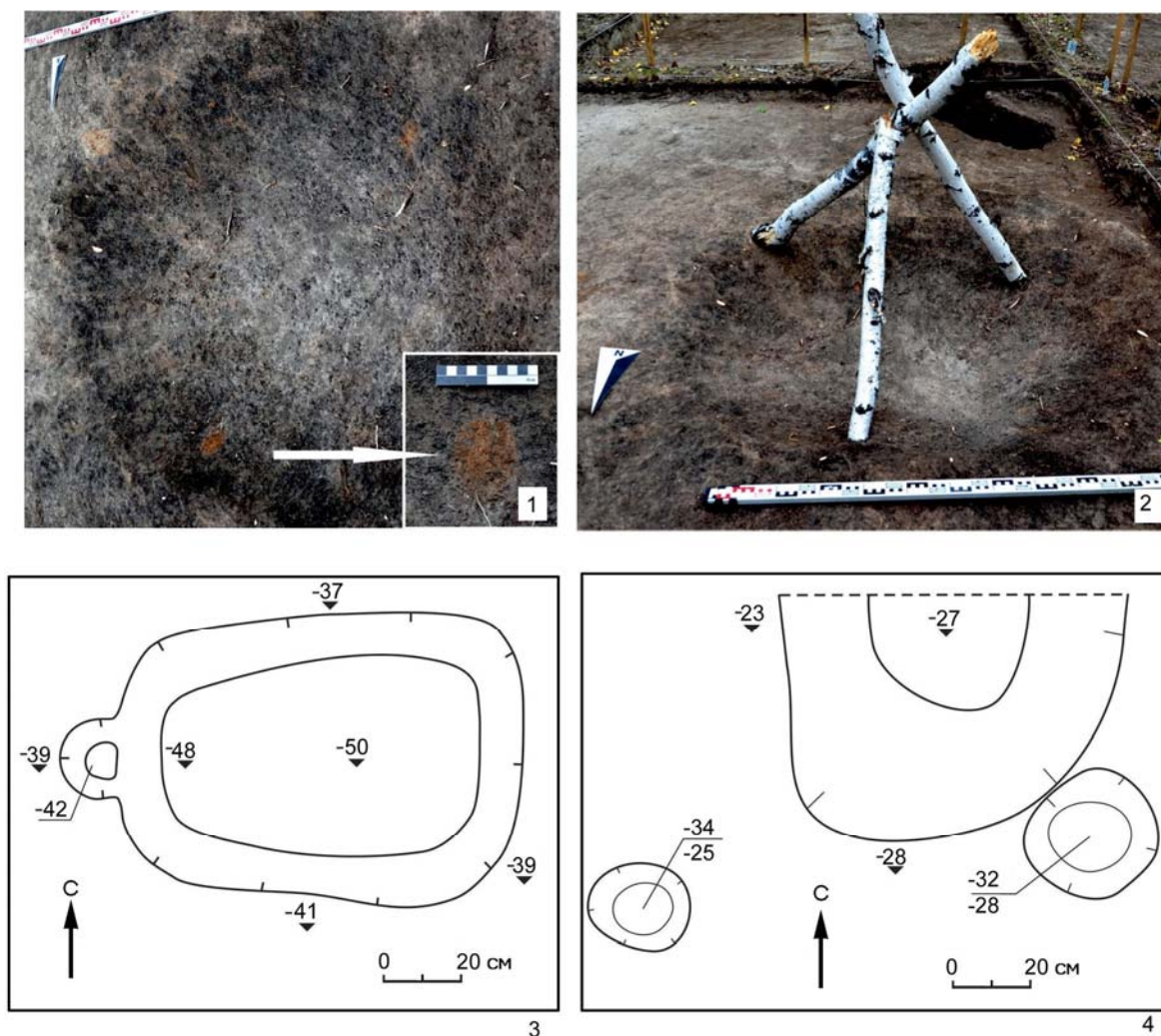

Рис. 8. Следы надочажных конструкций на памятнике Старый Тартас-5: 1 – прокол 2 (снято с С); 2 – вариант реконструкции надочажного устройства прокала 2 (снято с С); 3 – план прокала 8; 4 – план прокала 6

они были помещены туда в момент сооружения очажных устройств, до начала их использования.

Основная часть керамики, выявленной на поселении, несет на себе черты классической одиновской традиции, характерной для западного ареала (рис. 10, 11). Большинство реконструируемых сосудов – плоскодонной баночной формы, средних размеров. В редких случаях встречаются слабопрофилированные формы. Орнамент покрывает всю поверхность изделий, а зачастую и днище (рис. 10, 4). Основу декора составляют разнонаклонные ряды оттисков гребенки, чередующиеся с рядами ямок, а также ряды оттисков тонкого гладкого штампа. Под венчиком встречаются ряды жемчужин (рис. 11, 6). У значительной части изделий срез венчика орнаментирован (рис. 11, 1–4, 9–11). Иногда оттиски штампов

имеются и на зоне под венчиком с внутренней стороны (см. рис. 10, 1, 2). Отмечено зональное расположение орнаментальных мотивов: как правило, в верхней части сосудов встречаются диагональные и вертикальные ряды оттисков штампа, тулово орнаментировано горизонтальными чередующимися рядами ямок и оттисков штампа, на дне преобладает концентрический способ расположения мотивов.

Особенностью керамического комплекса можно считать изделия с отпечатками «текстиля» на внутренней или (и) реже – наружной поверхности (рис. 11, 6), как результат формовки изделий на основе с прокладкой из текстиля. Поверх такого технического орнамента обычно нанесен декоративный. В целом, полученный комплекс тождественен материалам и западного, и восточного

Рис. 9. Очажные устройства памятника Старый Тартас-5 и находки из них (точками белого цвета обозначены места находок): 1 – прокал 2 (снято с 3); 2 – костяной наконечник из прокала 2; 3 – прокал 7 (снято с С); 4 – челюсть лисицы из прокала 7

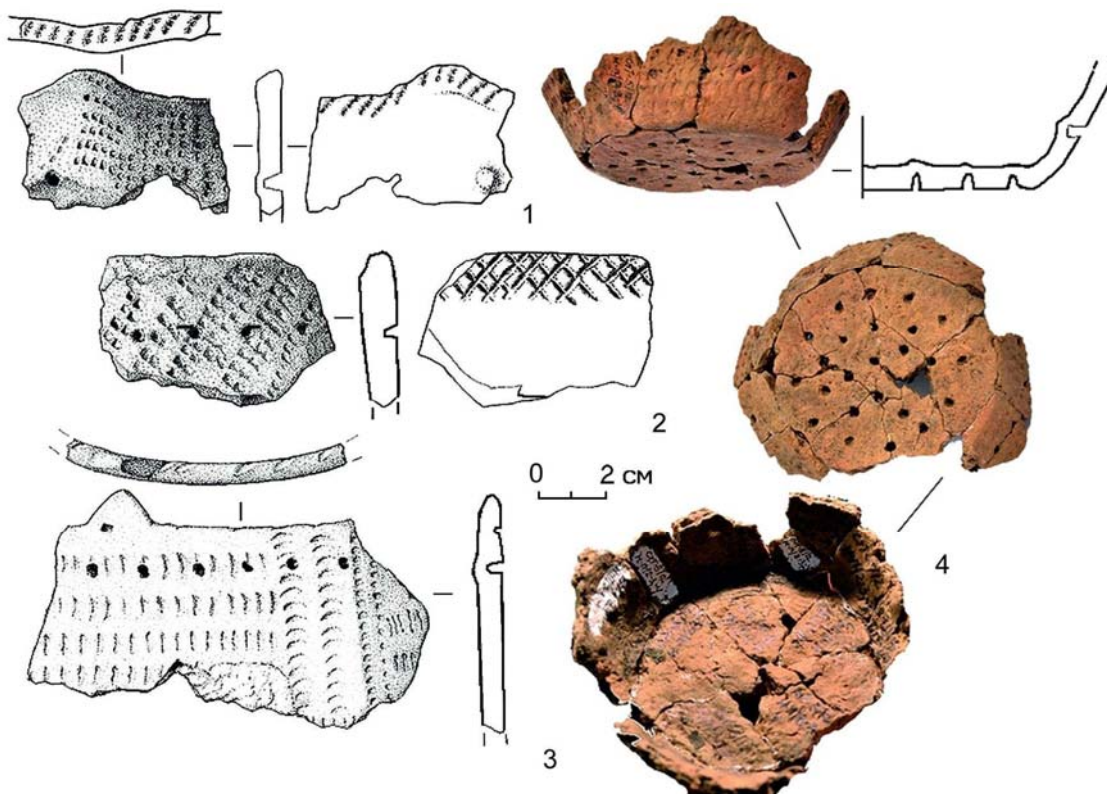

Рис. 10. Керамика поселения Старый Тартас-5: 1-3 – венчики сосудов; 4 (фото) – дно и придонная часть

Рис. 11 (фото). Фрагменты керамики из памятника Старый Тартас-5: 1–7, 9–11 – венчики сосудов; 8, 12–14 – стенки сосудов

ареалов одиновской культуры (см.: [Крижевская, 1977; Панфилов, 1993. Рис. 76–77]), равно как и посуде из погребальных комплексов Барабы [Молодин, 2012. Рис. 203, 235]. Следует отметить и технологический признак одиновской посуды – на спаях лент иногда фиксируются прочерченные крест-накрест линии для лучшего сцепления формовочной массы. Подобные следы регистрируются как на поселенческой керамике западного ареала [Панфилов, 1993. С. 42], так и на погребальной посуде Барабы (сосуд из погребения 485 могильника Тартас-1).

Основным материалом для орудийного набора служил камень. В условиях отсутствия местного сырья его петрографическое изучение становится источником для реконструкции путей доставки камня в регион. Использование каменных артефактов до полной сработанности, а также следы утилитарной ретуши на мелких обломках и большинстве отщепов, свидетельствуют о ценности каменного сырья.

Обращает на себя внимание значительное количество каменных орудий, обнаруженных на поселении Старый Тартас-5. На 307 кв. м исследованной площади обнаружено 1 157 изделий из камня: 38,6 % из них составляют технические сколы (отщепы, чешуйки без следов вторичной обработки); 37,4 % – собственно орудийный комплекс; 24 % – доля галек разных размеров. Для сравнения, на поселении кротовской культуры Венгерovo-2 (расстояние между памятниками 5 км) всего обнаружено менее 100 изделий из камня. Это свидетельствует о сохранении неолитических традиций широкого использования каменных орудий в хозяйственной деятельности носителей одиновской культуры эпохи бронзы.

Орудийный набор достаточно представительен: пластины с дорсальной и вентральной ретушью, округлые и концевые скребки различных размеров (от 6 до 1 см), наконечники стрел с вогнутым или прямым основанием, абразивные плитки, шлифованные орудия, разнообразные перфораторы. Велика доля многофункциональных комбинированных орудий, маргиналы которых использовались для различных функций (проколки, скребки, скобели, ножи). Помимо типичной микроиндустрии встречаются достаточно крупные массивные пластинчатые отщепы, использовавшиеся в качестве скребел.

Большой процент находок составляют гальки разной формы и диаметра. На некоторых из них фиксируются следы использования в качестве абразивов. Большинство галек несет на себе следы расщепления в виде бессистемных сколов. Не исключено, что это пример попыток приспособления местного материала в качестве сырья для производства каменных орудий.

Технология изготовления каменных изделий практически не отличается от неолитической традиции данного региона (см.: [Бобров, Марочкин, 2011]). Наблюдаются идентичные формы и способы оформления орудий, например наконечники с вогнутой базой, различные перфораторы, шлифованные ножи, использование пильчатой ретуши и т. д.

Однако сравнение каменной индустрии Старого Тартаса-5 с материалами поселений Приишимья и Прииртышья затруднено многослойным характером этих памятников и, соответственно, невозможностью точной культурной идентификации каменного материала, хотя исследователи отмечают уменьшение значения каменных орудий в общей массе находок по сравнению с предыдущим периодом [Крижевская, 1977. С. 91]. Возможно, высокая роль каменного инвентаря на поселении Старый Тартас-5 обусловлена специфической направленностью хозяйственной деятельности населения. Планируемое в будущем трасологическое исследование каменных артефактов позволит уточнить это предположение.

Малое количество остеологического материала на памятнике связано с плохой сохранностью кости в культурном слое поселения. Несмотря на это, результаты остеологической характеристики материалов (определения сделаны канд. биол. наук С. К. Васильевым) достаточно показательны. Обнаружены кости лисицы, медведя, лося, косули, собаки, овцы (козы?). Соответственно, можно сделать вывод о значительной доле охоты в хозяйственной деятельности населения.

Исследователями отмечен важный факт в динамике хозяйственной деятельности носителей одиновской культуры – переход к производящей экономике в виде скотоводства. Об этом свидетельствуют захоронения бычков [Там же. С. 82] и находки костей лошади. Судя по обилию рыбьих костей и чешуи, фиксируемых на поселениях, рыбо-

ловство также было одним из жизнеобеспечивающих занятий населения.

Таким образом, поселения одиновской культуры Барабинской лесостепи, расположенные по берегам озер, представляли собой неукрепленные небольшие поселки с двумя типами жилищ. В целом, такая картина характерна и для западного ареала обитания носителей одиновской культуры. Организация межжилищного пространства с учетом погодных условий указывает на сложную хозяйственную деятельность на территории поселения в теплое время года. Определение функций некоторых очажных устройств предполагает существование специализированных производственных зон за пределами жилища, связанных с обработкой металла и камня. Насыщенный артефактами культурный слой, следы перестройки котлованов, а также значительная мощность прокаленного слоя в очажных устройствах говорят о длительном существовании поселений.

Керамический комплекс поселений и могильников Барабинской лесостепи в целом идентичен и соответствует находкам с памятников западного ареала культуры. Разнообразный набор каменного инвентаря, пластинчатый характер индустрии и качество вторичной обработки свидетельствуют о высокой роли орудий из камня в хозяйственной деятельности. Однако, несмотря на архаичный в целом облик инвентаря, выявлены свидетельства развитого бронзолитейного производства.

Одиновская культура по радиоуглеродным датам, полученным по материалам одиновского могильника Сопка-2, относится к III тыс. до н. э. Внутренняя хронология культуры связана с появлением и широким распространением на определенном этапе ее бытования сейминско-турбинских бронз. Нахождение подобных металлических изделий только в погребениях, а также отсутствие радиоуглеродных дат по поселенческим материалам затрудняет хронологическую корреляцию поселений и некрополей. Однако территориальная близость памятников, идентичность не только в морфологии и орнаментации керамики, но и в технологии ее изготовления, аналогичность основных категорий инвентаря, позволяют надежно связывать погребальные и поселенческие комплексы как западного, так и восточного ареала в

рамках одной одиновской культуры и свидетельствуют о ее однородности. Аналогичные выводы были сделаны и по результатам палеогенетического анализа останков из погребений одиновской культуры [Пилипенко, 2010. С. 10].

Список литературы

Байбури А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983. 188 с.

Бобров В. В., Марочкин А. Г. Артынская культура // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. Т. 1. С. 106–108.

Гирия Е. Ю. Тепловая обработка кремнистых пород и способы ее определения в археологических материалах // Экспериментально-трассологические исследования в археологии. СПб., 1994. С. 168–174.

Голдина Р. Д., Крижевская Л. Я. Одино – поселение эпохи ранней бронзы в западно-сибирском лесостепье // КСИА. М.: Наука, 1971. Вып. 127. С. 72–77.

Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1976. 69 с.

Крижевская Л. Я. Раннебронзовое время в Южном Зауралье. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. 128 с.

Молодин В. И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. Т. 3. 220 с.

Панфилов А. Н. Многослойное поселение Серебрянка-1 в Нижнем Приишимье (итоги полевых исследований). Препринт. Тюмень, 1993. 80 с.

Пилипенко А. С. Реконструкция процессов формирования населения Барабы эпохи бронзы методами анализа вариативности мтДНК: Автореф. дис. ... канд. биол. наук. Новосибирск, 2010. 16 с.

Скочина С. Н. Клады каменных изделий на памятниках Нижнего Приоболья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2007. № 8. С. 4–8.

Соколова З. П. Народы Западной Сибири: Этнографический альбом. М.: Наука, 2007. 342 с.

Ташак В. И. Очаги палеолитического поселения Подзвонка как источник по изуче-

нию духовной культуры древнего населения Забайкалья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 3 (15). С. 70–78.

Черных Е. М. Жилища Прикамья (эпоха железа). Ижевск, 2008. 272 с.

Материал поступил в редколлегию 12.01.2014

V. I. Molodyan^{1,2}, M. S. Nesterova¹, L. N. Mylnikova^{1,2}

¹*Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS
17 Lavrent'ev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

²*Novosibirsk State University
2 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

Molodin@archaeology.nsc.ru

ODINO CULTURE SETTLEMENTS IN BARABA FOREST-STEPPE

Purpose: The article analyzes the settlement complexes of Odino Bronze Age culture in Baraba forest-steppe. The reference object for the analysis is Staryi Tartas-5, a settlement where four ditches and the in-between housing space have been studied. Particular attention is paid to the analysis of the topographic location of the objects, and the traits of the settlements planigraphy.

Results: It is concluded that the nature of the settlements is lakeside-like. The assumption about more humid climate in the Bronze Age in the area explored is confirmed by the nature of the modern location of hydrological objects with respect to the settlements, as well as by the specifics of geomorphologic processes of soil formation at the Staryi Tartas-5 site. Rich cultural artifacts layer, traces of restructured ditches along with substantial power of the calcined layer in the hearths speaks of the sustained existence of Odino culture settlements, whereas the complex system of the in-between housing space speaks of their functioning in the warmer months. The analysis of the ditches and the pits' pillar allowed to distinguish two main types of construction: frame and post type building with a truncated pyramidal roof and some lighter structures such as chums. The main types of hearths are identified both inside and outside the structures. The use of clay and ceramics in the construction of hearths are first observed. The diversity of the designs of the above-hearth constructions is also noted and their principal functions are identified. In some cases the specific nature of the findings at the hearths and near-hearth areas allowed to assume the existence of specialized working platforms for metal and stone processing. Production areas inside the buildings are characterized. Analysis of ceramic complexes led to the conclusion about the identity of the morphology, ornamentation and manufacturing technology of vessels throughout the culture on both settlement and funerary monuments. The presence of bronze production developed in the settlements while maintaining the traditions of the Neolithic stone tools treatment is identified. Diverse set of stones for tools manufacturing, the quality of their secondary treatment show the crucial role of tools made of stone in the economic activity of the population. The composition of animals skeletal collections suggests the existence of developed hunting activities, as well as the development of stock raising.

Conclusion: Primary comparison of the initial results with the collections from the Ishim Basin and Irtysh Basin settlement complexes as well as simile with findings from burial sites suggests homogeneity of Odino culture within the limits of the studied area. This is witnessed by the results of paleo genetical studies of anthropological materials from Odinovskaya necropolis.

Keywords: Baraba forest-steppe, Odino culture, settlement, residential and utility construction, hearth.

References

Baiburin A. K. *Zhilishche v obryadakh i predstavleniyakh vostochnykh slavyan* [Habitation in the Rites and Beliefs of Eastern Slavs]. Leningrad, Nauka Publ., 1983, 188 pp. (In Russ.)

Bobrov V. V., Marochkin A. G. Artynskaya kul'tura [Artyin Culture]. *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda* [Proc. All-Russian Archaeological Congress], St.-Petersburg, Moscow, Novgorod, 2011, vol. 1, p. 106–108. (In Russ.)

Girya E. Yu. Teplovaya obrabotka kremnistykh porod i sposoby eyo opredeleniya v arkhеologicheskikh materialakh [Heat Treating of Siliceous Rocks and Methods of its Determination in Archaeological Materials]. *Ekspеrimental'no-trasologicheskіe issledovaniya v arkhеologii* [Trasological Experimental Research in Archaeology], St.-Petersburg, 1994, p. 168–174. (In Russ.)

Goldina R. D., Krizhevskaya L. Ya. Odino – poselenie epokhi rannei bronzy v zapadnosibirskoi lesostepi [Early Bronze Age Settlement Odino in the West Siberian Forest Steppe]. *Kratkie soobshcheniya instituta arkhеologii* [Brief Reports of the Institute of Archaeology], Moscow, Nauka Publ., 1983, iss. 127, p. 72–77. (In Russ.)

Kosarev M. F. *Bronzovyi vek Zapadnoi Sibiri*. Diss. dokt. ist. nauk [Bronze Age in Western Siberia. Dr. hist. sci. diss.]. Moscow, 1976, 69 p. (In Russ.)

Krizhevskaya L. Ya. *Rannebronzovoe vremya v Yuzhnom Zaural'e* [Early Bronze Time in the Southern Trans-Urals]. Leningrad, LenGU Publ., 1977, 128 p. (In Russ.)

Molodin V. I. *Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi: kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebalnykh kompleksov odinovskoi kultury* [Site Sopka-2 on the River Om': Cultural-Historical Analysis of the Burial Complexes Odino Culture]. Novosibirsk: IAET Publ., 2012, vol. 3, 220 p. (In Russ.)

Panfilov A. N. *Mnogosloinoe poselenie Serebryanka 1 v Nizhnem Priishim'e (Itogi polevykh issledovaniy)*. Preprint [Multi-Layered Settlement Serebryanka 1 in Lower Ishim Region (Results of Field Research). Preprint]. Tyumen, 1993, 80 p. (In Russ.)

Pilipenko A. S. *Rekonstruktsiya protsessov formirovaniya naseleniya Baraby epokhi bronzy metodami analiza variabelnosti mtDNK*. Avtoref. diss. kand. biol. nauk [Reconstruction of the Formation of the Population of the Bronze Age Baraba Methods Variability Analysis of mtDNA. Cand. biol. sci. syn. diss.]. Novosibirsk, 2010, 16 p. (In Russ.)

Skochina S. N. Klady kamennykh izdelii na pamyatnikakh Nizhnego Pritobolya [Stone Implement Complexes at Site of the Low Tobol Basin]. *Vestnik arkhеologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], 2007, vol. 8, p. 4–8. (In Russ.)

Sokolova Z. P. *Narody Zapadnoi Sibiri: Etnograficheskii al'bom* [Populations of Western Siberia: Ethnographic Album]. Moscow, Nauka Publ., 2007, 342 p. (In Russ.)

Tashak V. I. Ochagi paleoliticheskogo poseleniya Podzvonkaya kak istochnik po izucheniyu dukhovnoi kultury drevnego naseleniya Zabaikal'ya [Hearths of Palaeolithic Settlement Podzvonkaya as a Source for the Study of the Spiritual Culture of the Ancient Population of the Transbaikal]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia], 2003, no. 3 (15), p. 70–78. (In Russ.)

Chernykh E. M. *Zhilishcha Prikam'ya (epokha zheleza)* [Habitations of Kama basin (Iron Age)]. Izhevsk, UGU Publ., 2008, 272 p. (In Russ.)